

Спеціальний номеръ
„МЭДЪ ИНЪ ЖЕРМАНИ“.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 5

ЦѢНА ОТД. № въ розн. продажѣ 75 к. и на ст. жел. дор. 85 к.

МАРТЪ 1918

Рис. Ре-ми.

Нѣмецъ: — Штемпель положенъ. Годенъ въ пищу!

Россия.—Опять у разбитого корыта..
 Немецъ.—Какое-же оно разбитое... наоборотъ самой прочной немецкой работы

ЧЕЛОВѢКЪ, ВЫЗЫВАВШІЙ УДИВЛЕНІЕ.

Еще не такъ давно, когда въ поѣздѣ, или трамваѣ начался разговоръ о мирѣ, кругомъ раздавались негодующіе голоса:

— Помилуйте, да вѣдь тогда за границу и показаться нельзя будетъ... Засмѣютъ, заплуютъ, когда узнаютъ, что ты русскій...

Не имѣя возможности распредѣлять свое вакаціонное время между Остэндэ и Баденомъ, я, лично, не боялся этихъ суровыхъ послѣдствій мира. Правда и мнѣ казалось очень неприятнымъ, если вдругъ при моемъ появленіи все населеніе курорта, какъ пришлое, такъ и туземное вдругъ въ паникѣ разбѣжится въ разныя стороны, море отодвинется отъ берега и мнѣ придется два часа бѣгать по пляжу, чтобы поймать его и влѣзть въ воду, а скамейки перевернутся вверхъ ножками, чтобы я не могъ сѣсть...

Вслухъ этихъ соображеній я не высказывалъ, полагая, что за и противъ мира есть болѣе существенныя возраженія. И правильно дѣлалъ.

Оказалось, что въ этой области страхи были преждевременны. Помѣщаемый ниже правдивый рассказъ одного очевидца пояснить это подробнѣе.

Въ жаркій лѣтній день іюня 1919 года, когда по Цельсію было 30°, по Реомюру—40, а вовсе безъ градусника и всѣ сорокъ пять, на благоустроенномъ пляжѣ курорта „Хапвейзе“ появился русскій.

Это было такъ неожиданно, что двѣ толстыя итальянки, еще не успѣвшія войти въ воду, сразу начали тонуть и требовать спасательные круги. Ирландскій помѣщикъ, цѣдившій сквозь зубы холодную земляничную воду растерянно сунулъ въ нее сигару сосѣда, худого и желчнаго швейцарца, а молодая француженка схватилась отъ неожиданности за бокъ и вѣрнѣе не упала, а сѣла на песокъ въ обморокъ.

— Русскій—пронеслось по пляжу—среди насъ русскій... Русскій виновато посмотрѣлъ на публику, густо покраснѣлъ и, смахнувъ съ носа пэнснэ, робко сказалъ

— Хорошо, господа... Я уйду... Я извиняюсь...

— Оставайтесь—лаконически заявилъ длинный рыжій американецъ, откусывая кончикъ сигары—я люблю несчастныхъ. У меня семь милліоновъ долларовъ. Если эту сумму раздѣлить на общее количество несчастныхъ на этомъ побережьи, на вашу долю придется три съ половиной доллара. Хотите—я вамъ дамъ семь. Мнѣ понравилось ваше лицо.

— Лицо, это вы правильно...—пробормоталъ русскій—а насчетъ денегъ не стоить...

— Вѣдь у васъ-же въ Россіи нѣтъ денегъ?—удивился американецъ—а вы отказываетесь...

— Пустяки,—улыбнулся русскій—нѣмцы конечно увезли къ себѣ все серебро и золото, но во многихъ аристократическихъ семьяхъ еще остались двугривенные, которые дамы носятъ какъ украшеніе...

— Когда?

— Какъ когда? На балахъ, на спектакляхъ...

— У васъ еще есть спектакли?—внезапно спросила француженка, очнувшись отъ обморока.

— Конечно. Еще какіе. Еженедѣльно по субботамъ лучшій трубачъ и барабанщикъ очереднаго нѣмецкаго полка приходятъ въ Маринскій театръ и играютъ соло.

— И много набирается публики?

— А кому охота платить штрафъ, если не придешь?—вздыхнулъ русскій.

— А танцы есть?

— Вотъ танцевъ нѣтъ—сконфузился русскій,—дѣло въ томъ, что обуви у насъ въ Россіи своей нѣтъ... А нѣмцы присылаютъ ботинки только на правую ногу... Пока, знаете, лѣвая успѣетъ привыкнуть и въ другую сторону вывернуться...

Около русскаго началъ собираться кружокъ слушателей. Чувствуя, что всѣ симпатіи на его сторонѣ, онъ немножко пріободрился и хвастливо подмигнулъ слушателямъ.

— А у насъ знаете еще не то бываетъ... Зайдешь въ магазинъ, а тамъ плакатикъ: просятъ по русски не раз-

говаривать. Ну значигь, купить что-нибудь хочешь, а только и знаешь: ихъ либе дихъ, да еще — хохъ. Повертишься такъ, скажешь что-нибудь, а ужъ нѣмецкій приказчикъ, завертываетъ поупку, иначе — консулу пожалуется...

— И какъ-же вы?

— Да ничего, привыкли. Зайдешь рамку купить, и уходишь съ дѣтской кроваткой.

— А своихъ магазиновъ у васъ нѣтъ — участливо спросила толстая итальянка.

— Своихъ? Мало. Есть два три — краденымъ торгуютъ. Такъ за это преслѣдуютъ. Фабрикъ вотъ много...

— А что вырабатываютъ?

— Помилуйте — гдѣ-же разобрать... Что вырабатываютъ — то въ Германію и увозятъ. Фабричные инспектора только по отбросамъ и догадываются, либо по запаху... Кожей пахнетъ — кожаная вещь дѣлаютъ значить, мыломъ пахнетъ — мыло варятъ...

— Ну, а въ обращеніи съ вами какъ нѣмцы?

— Нѣмцы? Прекрасные парни, я вамъ доложу... Въ прошломъ августѣ одинъ моему шуруну даже руку подаль. Не гордый нѣмецъ... Очень обходительный.

Всѣ сочувственно вздохнули. Двѣ мелкихъ рыбешки высунувшихся изъ воды и молча слушавшихъ рассказъ, поставили хвосты шгопоромъ и снова юркнули въ воду. Кельнеръ подававшій русскому лимонный сиропъ, подсунулъ подъ бокаль два франка и подмигнулъ русскому на нихъ.

— Ну, а какъ общественная жизнь у васъ? — спросилъ швейцарецъ — дожимаютъ, навѣрно, нѣмцы?

— Нѣмцы? Ни каплюшечки — добродушно ухмыльнулся русскій — собирайся сколько угодно, говори что угодно.. И никакой отвѣтственности. Взять хотя-бы моего пріятеля Сеню Топырина — чуть увидитъ нѣмца, сейчасъ-же на него, да какъ закричитъ: да здравствуетъ Германія... И хоть-бы что... Одинъ разъ только заставили въ конюшнѣ лошадей чистить, да и то не за слова тамъ разная, а что мѣста на скамейкѣ нѣмецкой брннѣ не уступилъ... И печатать можно все, что угодно. Газетъ, конечно, нѣтъ — надобли они ужъ, книги въ Германіи печатаются — сонники, поваренныя книги, оракулы, а печатаютъ больше по домамъ... Кто кредитки, кто почговыя марки — надо-же чѣмъ-нибудь питаться...

— Ну и ничего? — упавшимъ голосомъ спросилъ швейцарецъ. — Не жалуетесь вообще на положеніе?

— Мы то? Да что вы... Привыкли уже... Жизнь у насъ спокойная, тихая...

Длинный американецъ всгаль со своего мѣста, подошелъ къ русскому, сочно поцѣловалъ его въ лобъ и заплакалъ. Обѣ толстыя итальянки полѣзли за платками.

Француженка побѣжала упасть въ обморокъ на песчаный холмикъ...

Русскій добродушно улыбнулся.

* * *

Вечеромъ онъ писалъ женѣ письмо.

— Милая Екатеринхень. Ихъ либе дихъ. Здѣсь меня принимаютъ очень тепло, всѣ заинтересованы мной, а одинъ американецъ хочетъ подарить даже семь долларовъ. Подарить — купимъ особнякъ на Морской. Меня очень трогаетъ общее сочувствіе и ласка. А говорили, что и носа будто-бы показать нельзя нашему брату за границей...

Өерм. Харибдовъ.

Ъ Д Е Т Ъ . .

Ъдетъ Фрицъ — нѣмецкій братъ.

Почему-жъ душа не рада?..

Фрицъ стремится — въ Петроградъ,

Я — изъ Петрограда.

Фрицъ везетъ съ собой баулъ,

Въ немъ подарковъ всѣмъ — не мало.

— Вотъ и я!

— Ты?! Караулъ!..

(Вотъ поймите-же нахала...)

Фрицъ и пищу разжуетъ,

Фрицъ научитъ шить и штопать.

Мѣдъ инъ жерман'скихъ свободъ

Сколько хочешь можешь лопать.

Фрицъ настряпаетъ котлетъ,

Фрицъ одѣнетъ и обуетъ,

Дастъ порядокъ на пять лѣтъ,

Всѣ пылинки съ платья сдуетъ.

Почему-жъ, когда къ плечу

Онъ прильнетъ съ любовной силой,

Я тревожно зашепчу:

— Господи, поми-и-луй...?

Арх. В.

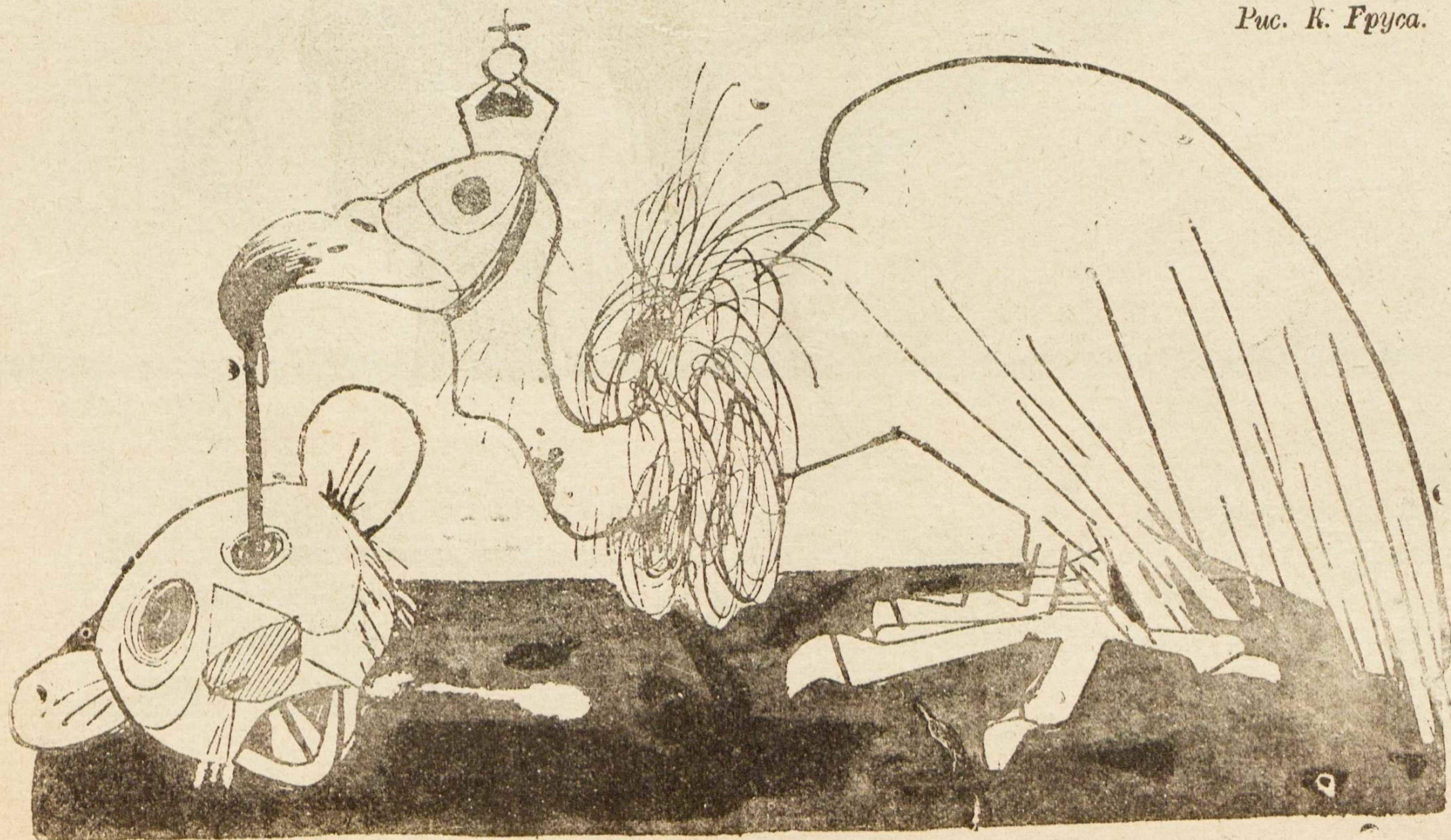

Рис. К. Г. Гуса.

Милый товарищ рабочий,
 Не ищи успокоения в интеллигентских фразях,
 Блазга долго-жданная развязка.
 Время придет и ты, как и всякий прочий,
 Увидишь небо в алмазах.
 И жизнь будет тихая, прекрасная, как сказка,
 Надо верить...

Кончился ужас великой драмы,
 Умерло насилие в кровавых экстазах.
 И ты, рабочий, увидаль небо в алмазах,
 Небо в алмазах немецкой рекламы!

А. Радаковъ.

СЧЕТЪ БЛИЗКАГО БУДУЩАГО.

ПИНЦЪ и ПУНЦЪ.

Экспорт. контора.
Гамбургъ.

Герръ Пришкину, Москау, Неусъ
Тряпичній переулочъ.

Вамъ посылайтъ съ Германій:

Пишущихъ машинъ (передѣлать изъ предназначенныхъ
для Персіи патентованныхъ клопоморовъ) 15.

Шоколадъ изъ отрубей, риса, проса и синдетикона,
спец. марка: „Русскій излюбленный“. 30 п.

Папирось „Стіенька Рязинъ“ 65 пуд.
Ежедневная газета для русскихъ семей „Матрен-
хень“ 8 мѣст.
Консервы изъ разн. остатковъ „Подмѣтка“ . 300 пуд.
Сало штутгартскихъ мышей (весенній засоль) фирмы
„Руссишень Аристократень“, для дѣтей и дѣвиць . 30 мѣст.
Сонники, оракулы, Вербицкая, Пинкертонъ — изданіе
„Все для Россіи“, въ Лейпцигѣ 1 вагонъ.

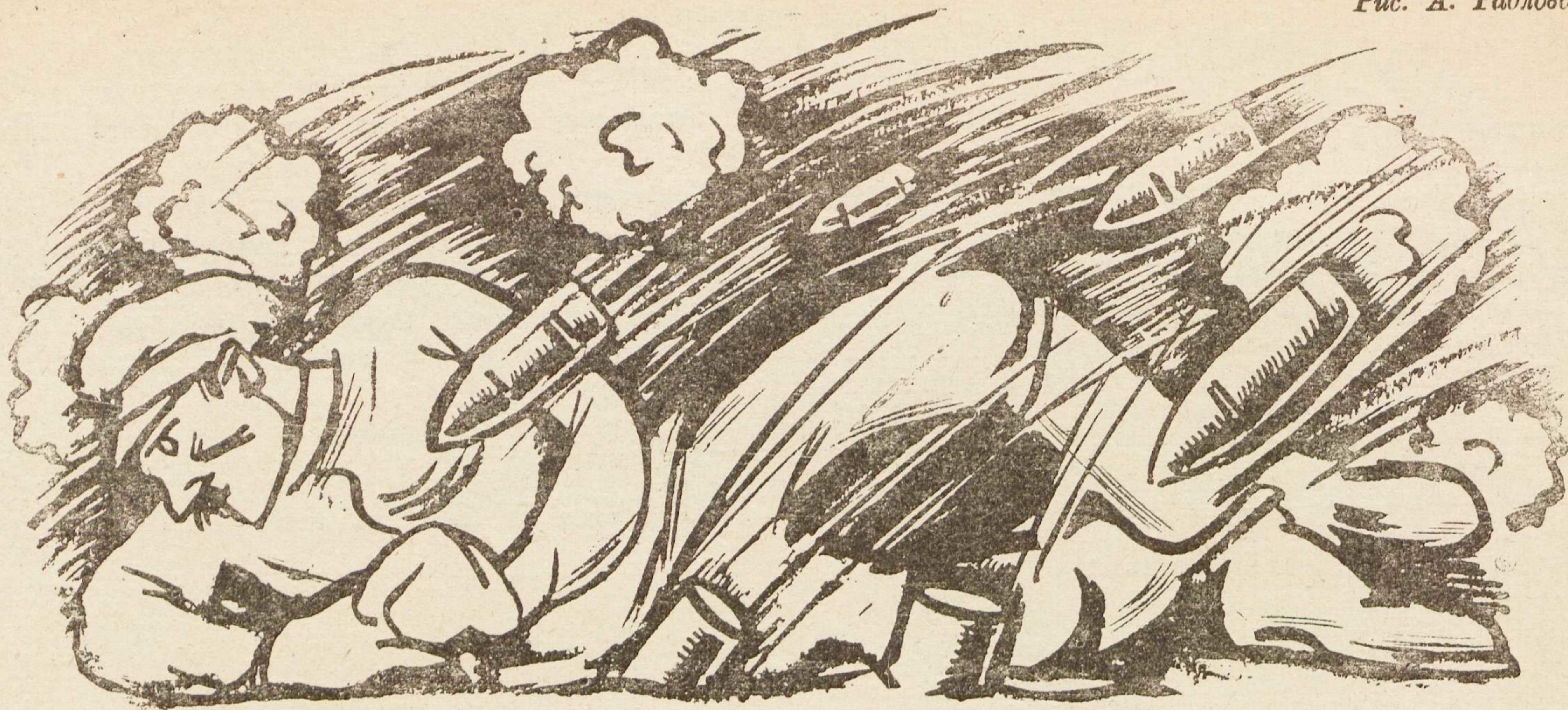
Б.

БЫСТРАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ СБЫТА.

Рис. А. Радакова

Нѣмецъ: — А ну, мужичекъ, попробуй сказать, что твоей женѣ и дѣтишкамъ не нуженъ этотъ прекрасный башмачекъ для часовъ...

Раньше русскій народъ нѣмцы засыпали чемоданами со свинцомъ.

ФАНТАСТАМЪ, ПРОХОДЯЩИМЪ МИМО.

Эй вы, проходящіе мимо,
Блаженные люди въ розовыхъ очкахъ,
Вы съ румянами облѣзлаго грима,
Вы съ кумачевыми флажками въ рукахъ.

Эй вы, бредущіе отъ снѣговъ марта
Черезъ лѣто и осень, черезъ зиму къ веснѣ,
Вы гадающіе на чудовищныхъ картахъ
О судьбахъ Россіи,—подойдите ко мнѣ!..

Кто сказалъ вамъ, что розовые спасутъ стекла
Ваши заплаканные въ печаляхъ глаза,
Бросьте гвоздику вялую, она отъ дождя намокла,
Развѣ она—весенняя, развѣ она—краса?..

Фантасты, на вашихъ лицахъ гримаса,
Жалкая гримаса искривленныхъ губъ.
Будьте смѣлы, взѣрошенные, не ждите и часа
И кряхтя за невѣдомый принимайтесь срубъ.

Бросьте очки, говорю вамъ, вамъ, смѣшнымъ близорукимъ
Лбы до крови разбила ехидная явь,
Вы къ солнцу простерли изумленные руки
И въ беззвѣстность боитесь пуститься вплавъ.

Довольно, Фантасты, будьте же смѣлы,
Глядите прямо на черепъ судьбы,
Снимите бережно распятое тѣло,
Для трудовъ безысходныхъ готовьте горбы!..

Вы не смѣете плакать, но стиснувъ зубы,
По слѣдамъ этой дьявольской красной метлы
Мы пойдемъ вмѣстѣ съ вами, смиренны и грубы
Черезъ смутное завтра тропинками мглы...

Александръ Флитъ.

ВЕРХЪ ЛОЙЯЛЬНОСТИ.

** Черезъ Германское посольство просить у властей
разрѣшенія издавать газету націоналистическаго направленія
** Встрѣтить раненаго солдата на улицѣ и въ видѣ
сочувствія промямлить: Нос'и!

** Долго хлопоталъ о личной аудіенціи у нѣмецкаго
консула, чтобы принести извиненіе въ томъ, что желудокъ
плохо перевариваетъ нѣмецкое пиво и привыкъ къ фран-
цузской булкѣ.

** Остановить на улицѣ знакомаго полковника и погро-
зить ему: „Мы еще вамъ покажемъ—мы и Парижъ возьмемъ“.

** Прибавлять приставку „фонъ“ къ каждому соб-
ственному имени... А моя-то фонъ-Анюта повела фонъ-Тре-
зорку гулять и можетъ-быть къ фонъ-Ивану Антипову по
пути зайдетъ.

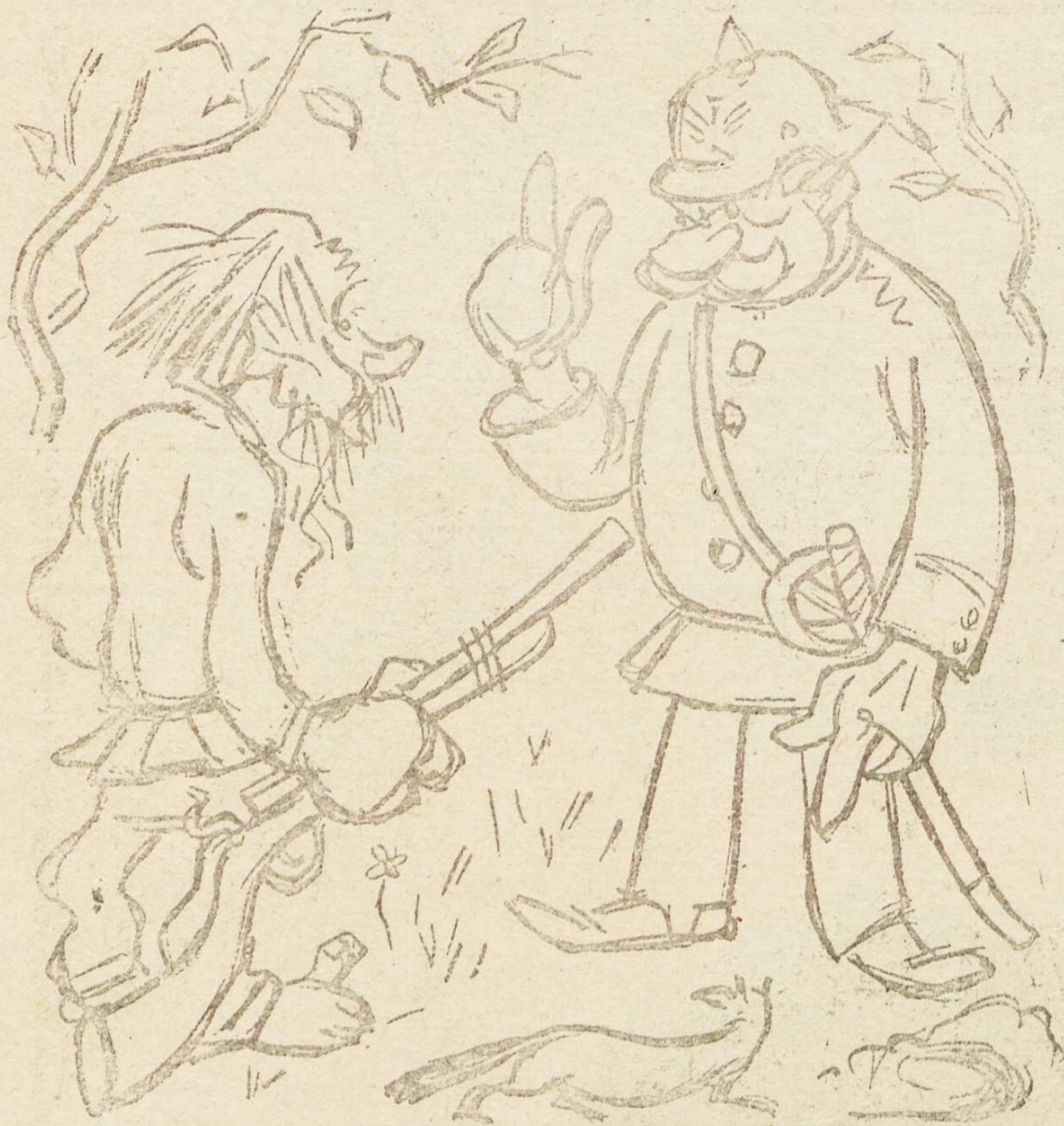
Теперь будутъ засыпать чемоданами съ товарами.

Щуцманъ: — Мерзавецъ, ты хотѣлъ отломить прошнурованную и пронумерованную вѣтку, чтобы высѣчь своего мальчишку?! Развѣ ты, негодяй не зналъ, что въ вашемъ районѣ уже открыта бесплатная самодральня со всѣми новѣйшими изобрѣтеніями, привезенными изъ Германіи?!

УЧЕТЪ НЕОБХОДИМЫХЪ ПРОДУКТОВЪ.

Рис. Н. Радлова.

— Горностаевъ бить, негодяй! Погоди... Самъ понимаешь — еще на мантии пригодятся...

Н Ъ М Е Ц Ъ.

Съ сигарой, за кружкой пива
 На дымъ изъ фабричныхъ трубъ.
 Онъ будетъ галдѣть спѣсиво,
 И ворчатъ настойчивъ и грубъ:
 „Работай, работай, работай
 Русская ты свинья“
 И жижга грязнаго пота
 Будетъ лить съ тебя, въ три ручья.
 Будетъ замкнуть камнями фабричныхъ зданій
 Кругъ тяжкихъ твоихъ испытаній.
 Рычаги покалѣчатъ грудь,
 Гудокъ осипшій не дастъ уснуть.
 День и ночь колесо маховое
 Не ослабитъ ремня.
 День и ночь скрежеща и воя
 Не станетъ машина—раба огня
 Будетъ фабрика вторить съ охотой
 Гибель твою затая;
 „Работай, работай, работай,
 Русская, ты свинья“.

Александръ Рославлевъ

В Ъ 1968 Г О Д У.

„Английскій путешественникъ Ричардъ Томсвелъ, посѣтившій Россію въ 1968 году составилъ интересныя записки, напечатанныя въ одной изъ крупныхъ лондонскихъ газетъ. Мы приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ статей.

„...Россія очень благоустроенная страна. Города весьма аккуратны, прекрасныя желѣзныя дороги, дешевая жизнь

и абсолютный порядокъ. Трудно даже повѣрить, что пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ этой прекрасной странѣ происходила страшная революція и, какъ рассказываютъ историки, на улицахъ ежедневно убивали многихъ людей. Германскія власти ведутъ себя мудро. Они предоставили русскимъ мѣстное самоуправленіе, религиозную свободу и нѣкоторыя другія преимущества, которыя наше правительство обычно предоставляетъ мало культурнымъ колоніямъ. Фактически государство управляется Германіей. Мѣстный германскій посоль пользуется властью несомнѣнно болѣе значительной и сильной, чѣмъ петроградскій парламентъ и всѣ министры.

Оппозиціи въ Россіи не существуетъ. Могушественная правящая партія германофильская — имѣетъ абсолютное большинство въ парламентѣ, и ея представители занимаютъ всѣ отвѣтственныя мѣста. Для того чтобы получить въ Россіи самое скромное мѣсто въ любомъ вѣдомствѣ, необходима не только партійная рекомендація, но также согласіе германскаго посла и обязательное знаніе, нѣмецкаго языка. Но, собственно говоря, русскимъ языкомъ, уже никто не пользуется. Нѣмецкій языкъ признанъ официальнымъ языкомъ, и только немногіе историки изъясняются на русскомъ языкѣ. Правда, въ университетахъ имѣются кафедры русскаго языка, занимаемая весьма почтенными учеными, которые объясняли, мнѣ что когда то въ Россіи были прекрасные писатели, но ихъ сочиненія, — если они не переведены на нѣмецкій языкъ, — совершенно забыты. Одинъ знакомый, знающій русскій языкъ и даже тайно обучающій своихъ дѣтей этому языку, увѣрялъ, меня что древняя русская литература имѣла удивительныхъ представителей. Онъ не читалъ ихъ въ подлинникѣ, но по крайней мѣрѣ знаетъ имена, и съ восторгомъ, отзывается о знаменитомъ Достоевскомъ, о поэтѣ Бѣлинскомъ и авторѣ героическихъ трагедій Островскомъ. Эти имена широкой публикѣ совершенно неизвѣстны.

Въ Россіи много социалистовъ. Насколько я понялъ, это явленіе имѣетъ характеръ обязанности, и лица, неприписанныя ни къ одной изъ социалистическихъ партій, лишены многихъ правъ и даже ограничены въ продовольствіи. Социалисты дѣлятся на партіи, враждующія между собой, и часто устраиваютъ диспуты, на которыхъ присутствуетъ много публики. Германскій посоль относится къ социалистамъ сочувственно, а по отношенію къ нѣкоторымъ партіямъ даже благожелательно. Средній же классъ, и въ особенности интеллигенція, находятся въ совершенно особомъ положеніи. Германское правительство враждебно настроено къ мѣстнымъ интеллигентамъ и издало рядъ указовъ, опредѣлившихъ своеобразное юридическое положеніе русской интеллигенціи. Такъ, на примѣръ, лица плохо владѣющіе нѣмецкимъ языкомъ не располагаютъ правомъ повсемѣстнаго жительства въ Россіи. Что же касается избирательнаго права, то оно непохоже ни на наше английское, ни на какое либо другое европейское. Такъ — всѣ лица, получившія среднее или высшее образованіе не пользуются правомъ голоса, и совершенно устранены отъ участія въ политической жизни. Избирательное право, согласно утвержденнымъ германскимъ императоромъ Основнымъ Законамъ, предоставлено только четыремъ категоріямъ лицъ — „крестьянамъ“, „рабочимъ“, „матросамъ“ и „солдатамъ“. Названія этихъ курій имѣютъ чисто историческій характеръ, отражающій періодъ революціи 1917 года. На самомъ дѣлѣ никакихъ крестьянъ въ Россіи нѣтъ, такъ какъ большинство земель принадлежитъ нѣмецкимъ колонистамъ. Что касается рабочихъ, то это опять таки не рабочіе въ нашемъ английскомъ смыслѣ. Они не пользуются свободой перехода изъ одной фабрики въ другую, а являются какъ бы крѣпостными, на всю жизнь приписанными къ опредѣленному заводу, принадлежащему одной изъ многочисленныхъ нѣмецкихъ акціонернымъ компаній. „Матросы и „солдаты“, — по вѣдому, какое то наследственное сословіе, такъ какъ согласно Основнымъ Законамъ, въ Россіи нѣтъ ни арміи ни флота, а гарнизонную службу и полицейскія обязанности несутъ германскія войска.

Россія является колоніей федеративной, но конечно не имѣетъ ничего общаго съ нашей Канадой. Германиа разрѣшила русскому народу раздѣлиться на рядъ мелкихъ

„Человѣка убиваютъ желѣзомъ. Страну — желѣзнымъ торговымъ договоромъ“.

Талейранъ.

государствъ, изъ которыхъ каждое непосредственно подчинено берлинскому министерству колоній, но сохраняетъ призрачные титулы. Такъ, на примѣръ, маленькіе города именуется республиками, а нѣкоторыя области имѣютъ своихъ собственныхъ монарховъ, посаженныхъ нѣмцами. Эти монархи отличаются необыкновенной жестокостью и полнымъ презрѣніемъ къ подвластнымъ племенамъ. Наши индійскіе князья по сравненію съ ними—просвѣщеннѣйшіе люди. Всецѣло завися отъ Германіи, эти монархи путемъ деспотическихъ мѣръ совершенно изгнали русскій языкъ, и управляютъ, опираясь на германскіе гарнизоны, необычайно свирѣпо. На территоріяхъ этихъ провинціальныхъ монарховъ не существуетъ никакихъ представительныхъ учреждений, а изданіе газетъ наказывается смертной казнью. Посѣщеніе учебныхъ заведеній облагается высокимъ штрафомъ, и только весьма немногіе рискуютъ тайнымъ образомъ, и совершенно конспиративно, заниматься науками.

Въ Россіи очень много курортовъ, сооруженныхъ нѣмцами, и въ лѣтніе мѣсяцы сюда пріѣзжаютъ многочисленныя нѣмецкія семейства купаться и пить полезныя минеральныя воды. Въ эти мѣсяцы русскіе не пользуются правомъ пребыванія на курортахъ, и русскіе больные выселяются полиціей. Въ нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ городахъ, гдѣ успѣли создаться большія германскія колоніи, пребываніе русскихъ либо запрещено, либо обставлено весьма тяжелыми ограничительными условіями.

Что касается статистическихъ свѣдѣній, по поводу экономическаго положенія Россіи, то берлинское министерство колоній ежегодно издаетъ очень подробные бюллетени, составленные лучшими экономистами и снабженные прекрасными діаграммами и картами. Насколько мнѣ извѣстно, эти бюллетени переведены на англійскій языкъ и изданы въ Лондонѣ фирмой Скоттъ и К—о...

* * *

Должность сатирика — тяжелая должность. Конечно, сарказмъ и смѣхъ — профессіи универсальныя, а въ наши дни нѣтъ ни одного явленія, которое не могло бы сдѣлаться вкуснымъ объектомъ самой непримиримой насмѣшки... Но есть нѣкая грань, и эта грань непреходима. Человѣкъ профессиональнаго хохота невольно умолкаетъ передъ такимъ объектомъ, какъ собственная родина. Впрочемъ, находятся мужчины, которые весело приплясываютъ на похоронахъ Россіи. Веселые люди! По всей вѣроятности они уже съ дѣтства научились канканировать на панихидахъ и кружиться въ удалой тарантеллѣ на кладбищѣ. Они — счастливы.

Вор. Мирскій.

ПО ЧЕХОВУ.

Лѣвый эс-ерь Федоръ Федоровичъ Крутиковъ, только что вернувшійся съ историческаго Засѣданія Петроградскаго Совѣта, бѣлокурый, съ ласковыми глазами, сидѣлъ на диванѣ въ полутемномъ кабинетѣ и мечтательно глядѣлъ въ морозное окно. — Рядомъ съ нимъ, смутно бѣлѣя на фонѣ темныхъ кожаныхъ подушекъ, сидѣла Анна Максимовна или попросту Аня, хрупкая и нѣжная какъ василекъ дѣвушка и насторожившись ждала звуковъ любимаго голоса, который такъ мягко, такъ хорошо ложился въ душу...

— Черезъ двѣсти, триста лѣтъ у насъ будетъ социальная революція, — вздыхалъ Федоръ Федоровичъ. — Ахъ, Аня, черезъ двѣсти лѣтъ жизнь будетъ невыразимо прекрасна и отъ нашего позорнаго міра, отъ нашего несчастья не останется и слѣда...

— Мы увидимъ небо въ алмазахъ — жарко зашептала дѣвушка и еще тѣснѣе прижалась къ Федору Федоровичу...

За окномъ щелкали выстрѣлы, на углу налаживался самосудъ, а гдѣ то неподалеку громили винный погребокъ и гулко звякали разбитыя стекла...

— Струна звенитъ въ туманѣ, — шептала Федоръ Федоровичъ, черезъ двѣсти — триста лѣтъ мы будемъ сильными и гордыми и у насъ будетъ социальная революція... Пусть нѣмцы сильнѣе насъ, пусть душитъ насъ прусскій милитаризмъ, — какъ это пошло, какъ это мелко, какъ ничтожно Аня; вѣдь стоитъ только потерпѣть, пострадать ну двѣсти, ну, скажемъ, триста лѣтъ и жизнь будетъ невыразимо пре-

красна, и міръ окажется сплошнымъ цвѣтущимъ садомъ, а въ саду — совѣты Рабочихъ, Крестьянскихъ и Батрацкихъ Депутатовъ...

Прекрасные голубые глаза Федора Федоровича увлажнились слезами, еще нѣжнѣе прижалась къ нему васильковая дѣвушка... А напротивъ дома въ освѣщенномъ солдатскомъ клубѣ подъ звуки стариннаго вальса мѣрно кружились красногвардейскія пары...

А. Ф.

РАЗГОВОРЪ.

(Эта выдуманная исторія — А. С. Трина.)

Авторъ этого сообщенія, въ бытность свою ссыльнымъ города Пинеги, Архангельской губерніи, случайно познакомился съ молодымъ нѣмецкимъ ученымъ, докторомъ какой-то Гамбургской больницы, пріѣзжавшимъ въ гости къ своей женѣ, — ссыльной, русской докторшѣ.

Докторша была пожилая, докторъ — молодой и элегантный, съ живописной русой бородой, а какъ его звали — забылъ.

Это, все, не относится къ дѣлу.

Пили, конечно, чай. Нѣмецъ не говорилъ по русски. Переводчицей служила его жена.

Не интересно то, что говорилъ я; мало интересно сказанное докторшей, но очень интересно, что сказалъ докторъ.

Онъ сказалъ:

— Не далѣе, какъ черезъ двадцать лѣтъ, мы, — Германія, — завоюемъ Россію и обратимъ ее въ нашу провинцію, колонію, если угодно. Когда все успокоится, когда населеніе Россіи примирится съ германскимъ владычествомъ, — мы, — нѣмецкая интеллигенція, въ видѣ отдыха отъ твердыхъ рамокъ нашей, благоустроенной, германично-трудовой жизни и дисциплины, будемъ пріѣзжать въ вашу прекрасную страну... *освѣжиться*. Да; хотя межъ нашей психологіей и вашей лежитъ пропасть, — однако, — насъ часто тянетъ къ вамъ, къ вашей безалаберности, чудачеству, милому добродушію и восточно-поэтическому складу широкихъ вашихъ натуръ. Мы и теперь любимъ жить въ Россіи. Мы любимъ Чехова, Толстого и Достоевскаго. Вы — прямая приправа Европы. Итакъ, мы будемъ ѣздить къ вамъ — принять духовную ванну.

Такъ-съ. Такъ вотъ:

Рис. Н. Р.

Еще не блеститъ...

«Мы принадлежимъ къ числу націй, которая, какъ бы, не входятъ въ составъ человѣчества, а существуютъ лишь для того, чтобы дать міру какой-нибудь важный урокъ. Наставленіе, которое мы призваны преподать, конечно, не

будетъ потеряно; но кто можетъ сказать, когда мы обрѣтемъ себя среди человѣчества и сколько бѣдъ суждено намъ испытать, прежде, чѣмъ исполнится наше предназначеніе».

— Подумаешь—русская архитектура... Вотъ такъ купола-то куда заманчивѣе и приличнѣе выглядятъ, да и въ качествѣ громоотводовъ служить могутъ...

Духовная ванна.

Фридрихъ Карлъ - Марія - Августъ - Гроссманъ сидѣлъ на верандѣ дачи Косматикова. На Гроссманѣ былъ халатъ съ кисточками, мягкіе татарскіе сапоги, а на головѣ—мокрое полотенце. Вчера Гроссманъ выпилъ четверть водки и съѣлъ корчагу блиновъ.

Семья Косматиковыхъ сидѣла въ грустномъ молчаніи. Похмѣльный Гроссманъ изводилъ ее требованіями русской экзотики.

— Ну ка... по Чехову—грозно сказалъ онъ Косматикову.—Только - какъ это говорится: „Дѣла не дѣлай, а безъ дѣла не бѣгай“.—Съ настроеніемъ!

Косматиковъ послушно заплакалъ и взялъ дрожащей рукой, съ тарелки, горсть крыжовника.

— Сколько лѣтъ!—пробормоталъ онъ,—сколько безотраднѣхъ ночей мечталъ я о своемъ кустикѣ ягодъ. Вотъ! они, вотъ эти ягоды! Сладкое грустное счастье.

— Надоѣло, кисло сказалъ Гроссманъ.—Все ягоды, да ягоды... крыжовникъ! Варварскій языкъ. А ну, Машенька,—обратился онъ къ мадамъ Косматиковой;—страви по Достоевскому чего такого... Психіатрическое.

Любовь Петровна дико закатила глаза и, вскочивъ, всплеснула руками:

— Родной мой! Болѣзненный! Несчастненькій! И адъ и ядъ! Все, внутри меня, трепещетъ отъ садистическаго самоистязанія! Возвращаю билетъ въ царство небесное! Не хочу билета! Не хочу! Хочу... „Эхъ! Гайда тройка... снѣгъ пушистый!“

— Гутъ,—сказалъ Гроссманъ.—Ободришь, Маша, я не какой сказочный волкъ Иванъ Царевичъ.—Теперь—ты!—внушительно приказалъ онъ Наденькѣ Косматиковой,—чтобы былъ мнѣ сейчасъ Левъ Толстой и никакихъ разговоровъ!

Наденька заплакала.

— Не противтись злу!—жалобно сказала она.—Жилъ былъ мужичекъ Каратаевъ и Наташа Ростова... Не ѣшьте мяса и трудитесь въ духѣ божіемъ... Оттого и потому, что... Много ли человѣку земли нужно!?

Гроссманъ жирно похоталъ, ущипнулъ Наденьку въ подбородокъ, всталъ и велѣлъ годать одѣваться.

Когда онъ удалился къ себѣ, Косматиковъ сказалъ:

— Надо бы обновить репертуаръ... Ѣздить ихъ каждый день штукъ пять, а мы все одно, да одно...

— Костюмированное, что-ли...—робко предложила жена. Помолчали.

— Вотъ что, папа:—сказала Наденька;—хорошо будетъ я думаю если ихъ нигилистами нарядить! Рубашки, дубинки, парики косматые... А мы споемъ: „Выдь на Волгу“... „Стеньку Разина“...

Косматиковъ просіялъ.

— Да, умница,—сказалъ онъ.—Вѣрно, деньги хоргшія платятъ, а мы гостей отвадить такъ можемъ...

Семья занялась подсчетомъ недѣльной зыручки.

Такъ съ. Такъ вотъ...

А. С. Гринъ.

НОВАЯ ТЕХНИКА.

— Вы куда это? Неужели на фронтъ? Призваны?

— Да. Какъ демобилизованный.

— А братъ вашъ?

— Онъ свободенъ. Еще служить въ арміи.

АССОЦІАЦІЯ.

— Вы читали Беллами „Черезъ сто лѣтъ“?

— Нѣтъ... Навѣрное что-нибудь насчетъ нѣмецкой революціи?

— Почему вы думаете?

— Да ужъ очень заглавіе подходящее...

„Мы, нѣмцы, пользуемся печатнымъ станкомъ для распространенія глупостей, а пороховъ — для распространенія Рабства“.

Л. Бернэ (Гейне „Нов. Бернэ“, стр. 531)

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Каждый самъ себѣ — оптовый складъ.

Приведеніе сложныхъ громоздкихъ предпріятій въ удобный портативный видъ — дѣло исключительнаго умѣнья. Въ этой области бываютъ такіе искусники, что совмѣщаютъ въ себѣ одномъ цѣлый „Мюръ и Мюрелизъ“. Такъ на дняхъ въ Петербургѣ

былъ арестованъ и доставленъ въ комиссаріатъ 2-го подрайона Назвской части нѣкто Шпиро, при которомъ оказалось много различныхъ чистыхъ бланковъ разныхъ учреждений, между прочимъ, бланки комитета автомобильной команды штаба армии сѣвернаго фронта, комиссаріата 1-го Сласскаго подрайона, нѣкоторые съ печатью комиссара, бланки 175 пѣхотнаго полка съ полковой печатью, большое количество чистыхъ и нѣсколько подписанныхъ врачебныхъ рецептовъ на спиртъ, шесть пачекъ санитарныхъ билетовъ, нѣсколько кусковъ разной матеріи и пр., а также два пуда олова и свинца.

Стоило-бы означенному Шапиро устроить около себя кафэ и небольшой лифтъ, онъ бы сталъ самымъ популярнымъ и любимымъ магазиномъ въ столицѣ.

Съютъ разумное, доброе, вѣчное.

Старые библиофилы знаютъ какъ тяжело было въ провинціальномъ городѣ открыть хорошую библиотеку, путемъ частной инициативы. Теперь это дѣлается гораздо быстрее и безъ особенныхъ хлопотъ — по крайней мѣрѣ если вѣрить сообщеніямъ газеты, что въ Екатеринбургѣ

Группа лицъ подъ флагомъ ассоціаціи анархистовъ Урала, вооруженная бомбами и пулеметами, ночью 23 февраля захватила коммерческой клубъ, отобрала оружіе, деньги посѣтителей изъ кассы клуба и объявила зданіе занятымъ библиотекой анархистовъ.

Если для устройства простой библиотеки екатеринбургскимъ анархистамъ понадобились бомбы и пулеметы, что же они должны были захватить съ собой, если-бы имъ понадобилось открыть кооперативъ. По крайней мѣрѣ нѣсколько броненосцевъ и береговыхъ батарей...

Разъ и готово!

О томъ, что бракоразводный процессъ велся безконечно долго — знаютъ всѣ. Недаромъ знатоки этого дѣла увѣряли, что легче жениться въ шестой разъ по подложному паспорту и выжить на каторгу, чѣмъ получить хотя-бы одну квитанцію въ принятіи прошенія о разводѣ. Но та быстрота, съ какой это дѣлается теперь, можетъ испугать даже человѣка съ крѣпкими нервами.

„Петр. газета“ рассказываетъ:

Вѣроятно, немногіе изъ петроградцевъ знаютъ, что старая волокита бракоразводнаго дѣла отошла „въ исторію“.

Теперь супруговъ разводятъ быстро, даже поразительно быстро въ старыхъ мировыхъ камерахъ, гдѣ нынѣ засѣдаютъ народные судьи.

Съ непривычки къ новой судебной процедурѣ тяжущіеся буквально каменѣютъ отъ изумленія, когда слышатъ приговоръ о разводѣ.

— Уже?!— съ непередаваемымъ разочарованіемъ раздаются не разъ восклицанія мужей и женъ, сразу освобождаемыхъ отъ ставшихъ имъ въ тягость цѣпей Гиминей.

Очевидно разводъ производится по системѣ наименьшей траты времени.

— Фамилія? Берюхинъ? Разведенъ.

— Позвольте, да я не по этому дѣлу... Я тутъ съ госпожей Иванкиной...

— Иванкина? Разведены...

— Я свидѣтельница по дѣлу Косоносовой...

— И Косоносова разведена.

— Помилуйте, у нея ребенокъ...

— И ребенка можно. Разведенъ.

И это еще въ старыхъ мировыхъ камерахъ. А что было-бы, если-бы стали разводить на остановкахъ трамваевъ...

Наши счастливцы.

Были славныя времена, когда неудачнаго артиста закидывали огурцами, картошкой и гнилыми яблоками. Если бы это практиковалось сейчасъ, всѣ артисты наперебой старались-бы сквернѣе сыграть, чтобы получить эту завидную долю продовольствія.

Дѣло повидимому идетъ къ этому.

Такъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ въ Паласъ-Театрѣ.

Послѣ 2-го акта, бенефицианта чествовала вся труппа, съ поднесеніемъ ему многочисленныхъ подарковъ, въ томъ числѣ сладкаго пирога и бутылки вина.

Скоро очевидно настанетъ время, когда даже иностранныхъ гастролеровъ будутъ чествовать двумя бутербродами на чайномъ блюдѣ и стаканчикомъ ханжи.

Около Скалозуба.

Что такое — среднее учебное заведеніе и университетъ?

На это даетъ точный отвѣтъ одна газета, официальнѣ которой сейчасъ нѣтъ.

Дѣйствительно, расходованію казенныхъ денегъ на содержаніе разсадниковъ бѣлой гвардіи долженъ быть положенъ конецъ.

И мы можемъ только привѣтствовать послѣднее распоряженіе Народнаго Комиссара по народному образованію — Луначарскаго о прекращеніи занятій въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — „осинныя гнѣзда“ контро-революціи должны быть разрушены.

Если и въ дальнѣйшемъ культурное строительство пойдетъ по этому пути объявленія всѣхъ учебныхъ заведеній осинными гнѣздами контръ-революціи — культурѣ мы не завидуемъ.

Долгонько ее строить придется...

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

Печатается и въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ новая книга

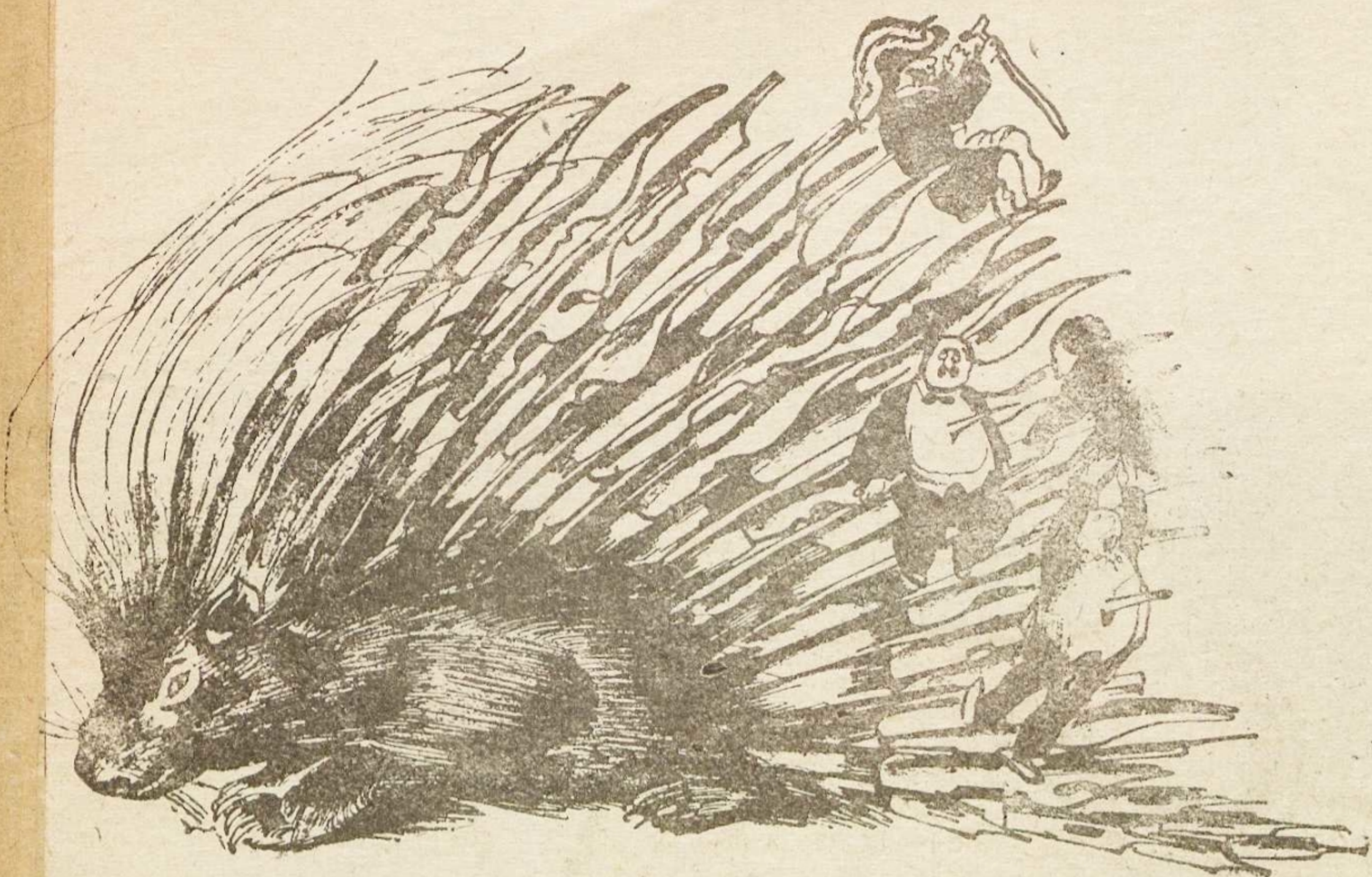
Аркадія Бухова.

„Разговоръ съ сосѣдомъ“.

— Цѣна 3 руб. 50 коп. —

6-й годъ изданія
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1918 годъ.

„Новый Сатириконъ“.

Годовымъ подписчикамъ будетъ дано:

52 №№ обильно иллюстрированного
журнала въ краскахъ.

2 цѣнныхъ преміи (бесплатно).

Между прочимъ редакція „Новаго Сатирикона“ получила отъ издательства „Новый Сатириконъ“ слѣдующее письмо:

Письмо въ редакцію.

Позвольте черезъ посредство вашего уважаемого журнала огласить слѣдующій вопіющій фактъ: Вчера въ ресторанѣ „Яръ“ неизвѣстный молодой человекъ, плотно пообѣдавъ, пытался проколоть себѣ горло двузубой вилочкой, подаваемой къ сыру.

Спрошенный о причинѣ этого страшнаго намѣренія, онъ объяснилъ, что, прочтя нѣсколько газетъ и не найдя ни въ одной изъ нихъ объявленія о подпискѣ на журналъ „Новый Сатириконъ“ на 1918 годъ, — онъ рѣшилъ, что жизнь сѣра, что жить болѣе не стоитъ, почему и пыгается приступить въ исполненіе свой ужасный замыселъ.

Опасаясь, что безотрадный поступокъ печальнаго молодого человека найдетъ массу подражателей и эпидемія самоубійствъ на этой почвѣ пойдетъ вширь, вглубь, вкривь и вкось — мы считаемъ своимъ гражданскимъ долгомъ оповѣстить всѣхъ скептиковъ и ипохондриковъ, что подписка на журналъ „Новый Сатириконъ“ на 1918 годъ принимается по адресу: Невскій, 88, годовая цѣна съ двумя преміями — 30 руб., полугодовая — половину.

Что же касается несчастнаго молодого человека, то его удалось спасти, что симъ и подтверждаемъ.

Издательство „Новый Сатириконъ“.

* * *

Ввиду того, что частныя объявленія нынѣ запрещены, — мы даемъ мѣсто вышеприведенному письму, сопровождая его слѣдующей подробностью:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

за 12 мѣс. (съ преміями) — 30 руб.,
за 6 мѣс. — 15 руб., за 3 мѣс. — 7 руб., 50 коп. и за
1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы:

Петроградъ, Невскій пр., 88. Телеф. 59-07.

Хоть при пересылкѣ за границу стоимость журнала, обыкновенно, повышается, но мы посылаемъ журналъ въ Украину, Сибирь, Кавказъ, Финляндію и др. — по той же цѣнѣ. Чихать намъ на такую границу!

Издательство.

Типографія Т-ва «Грамотность», 5 Рождественская, 44

Л Е Г К А Я Р А Б О Т А .

Въ Германіи былъ поставленъ деревянный памятникъ Гинденбургу, въ который поклонники полководца вбивали гвозди, чтобы сдѣлать его эффектиѣе...

(Изъ старыхъ газетъ).

Рис. К. Гуса.

Нѣмецъ-покоритель: — Ого, здѣсь дѣло обстоитъ гораздо легче. Для Гинденбурга понадобилось нѣсколько тысячъ гвоздей, а для великой Россіи всего—четыре.